

УДК 81:001.4

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ

Н. Г. Воронова*Алтайская государственная педагогическая академия, г. Барнаул**e-mail:*
ngvoronova@mail.ru

Статья посвящена определению объекта и предметной области лингвистической персонологии.

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, языковая способность.

Антропоцентрическая парадигма, определяющая лицо современной лингвистики, по словам В. А. Масловой, «ставит на первое место человека, а язык считает главной его конституирующей характеристикой, его важнейшей составляющей» [1, с. 15], что позволяет утверждать: человека делает человеком в первую очередь язык – и стимулирует к изучению «человека в языке». В то же время Ю. С. Степанов отмечает, что «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [2, с. 15]. Человеческое «масштабирование» языка в настоящее время осуществляется в рамках социолингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, политической лингвистики, лингвистической конфликтологии и других наук. Таким образом, современная лингвистика сосредоточила усилия на изучении «языка в человеке и человека в языке», обозначив сферу своих интересов термином «языковая личность». Не является исключением в этом ряду и лингвоперсонология – наука, предметную область которой формирует представление о ее объекте – языковой личности.

В современной лингвистике общепринятым является определение языковой личности, данное Ю. Н. Карауловым: «Под языковой личностью я понимаю совокупность **способностей** и **характеристик** [выделено мною – Н. В.] человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов» [3, с. 3]. В представляемом варианте лингвистической персонологии предметом внимания являются **способность** человека быть личностью и **характеристики** человека как личности в их соотносительности с языком – его устройством, функционированием и развитием.

Личность является объектом изучения целого ряда наук, но как интегральное образование она изучается персонологией. В 1980-х гг. XX в. А. В. Петровский и В. А. Петровский, опираясь на работы Л. С. Выготского о социогенезе сознания и А. Н. Леонтьева, положившего начало общепсихологической теории деятельности, создают в области социальной психологии теорию персонализации, ключевым понятием которой становится личность. Полагаем, что теория персонализации, наряду с теорией языковой личности, может стать тем основанием, которое позволит очертить предметную область лингвистической персонологии.

Согласно академику А. Г. Асмолову, понятие «личность» тесно связано с двумя другими – индивидом и индивидуальностью. Эта связь может быть передана формулой: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают» [4, с. 34]. Идея становления личности предполагает, что способность стать личностью дана каждому человеку, но не каждый человек может ее реализовать, а реализовавший должен прилагать усилия к тому, чтобы личностью остаться.

По определению В. А. Петровского, «быть личностью – значит быть субъектом собственной жизни, строить свои витальные (в широком смысле) контакты с ми-

ром <...> уровень личности как «авторствования» человека, применительно к построению им собственной жизни может быть зафиксирован в термине индивидуум или индивидуальный субъект» [5].

Индивидом человек рождается, личностью (индивидуумом, индивидуальным субъектом) он становится, но только в том случае, если является частью человеческого коллектива – социальным субъектом. Если способность быть личностью изначально дана человеку, а субъектность является конституирующим свойством личности, то индивид может рассматриваться как предсубъект. У современных отечественных ученых биолога и философа Г. Ф. Хрустова и психолога В. С. Мухиной не вызывает сомнения тот факт, что «родившийся, живущий – уже субъект. Есть субъектность и у родившегося человека. Это сразу же проявится. Активность здесь – проявление сущностное. Это активность и предметного рода» [6, с. 44]; «Маркеры индивидуальности – гены, которые у разных людей действительно различны, – существуют». Это не то же, что личность. Личность социальна. Но это – предпосылка личности. Не исчерпывающая. Но все же значимая» [там же, с. 46]; «С первых лет ребенок начинает развиваться как личность – он учится отстаивать свою волю и свои уже присвоенные представления о том, как должно поступать в опознаваемых ситуациях. Но это детская личность» [7, с. 21].

Полагаем, что *индивид* (предсубъект), *социальный субъект*, *индивидуальный субъект* (индивидуум) – все это не что иное, как этапы персонализации человека. Индивид, будучи «продуктом», произведенным на свет родителями, как социальный субъект является продуктом «среды и обстоятельств», которые в качестве внешних факторов сложным образом взаимодействуют с факторами внутренними – врожденными (индивидуальными) задатками и способностями человека. Человек в качестве индивидуального субъекта (собственно личности) является продуктом «самого себя», и в этом смысле он «*causa sui*» – «причина себя». Персонализация, таким образом, это процесс, в результате которого происходит становление личности человека как субъекта собственной жизни.

Кроме того, персонализацию можно рассматривать как процесс приписывания индивиду личностного аспекта бытия. В. А. Петровский выделяет три типа личностной атрибуции индивида: «интраиндивидуальную», «интериндивидуальную» и «метаиндивидуальную». Первая из них «состоит в том, что личность индивида рассматривается как неотделимое от него качество. Личностное оказывается погруженным в непосредственное пространство бытия индивида, а он сам выступает перед нами как единственный носитель своей личности» [8, с. 41]. Во второй атрибуции «областью определения и существования личности ... становится пространство межиндивидуальных связей, т.е. не сам по себе индивид, а процессы, в которые включены по меньшей мере два индивида» [там же, с. 42]. При метаиндивидуальной личностной атрибуции, согласно В. А. Петровскому, «осуществляется вклад одного индивида в другого как эффект воздействия, изменение поведения и сознания другого» [там же, с. 44]. «Личность как системное качество индивида, – считает В. А. Петровский, – раскрывается в единстве трех указанных атрибуций» [там же, с. 45].

По мнению В. А. Петровского, «...быть личностью – это значит быть субъектом предметной деятельности. Последняя может быть раскрыта как производство человеком предметов духовной и материальной культуры и представлена в виде процессов опредмечивания и распрепредмечивания человеческих «сущностных сил» [9].

Быть личностью – значит быть субъектом общения. В определении В. А. Петровского, общение – «это производство индивидами их общего, что предполагает достижение взаимной идеальной представленности взаимодействующих сторон» [там же]. Петровский считает, что результатом этой деятельности является «отраженная субъектность», а продуктом тот «вклад», который общающиеся делают в жизнь друг друга [там же]. В. А. Петровский подчеркивает: необходимо различать собственно общение и коммуникацию, поскольку «последняя может иметь чисто служеб-

ный характер» [там же]. Кроме того, необходимо разграничивать категории «общения» и «предметной деятельности» [там же]. На наш взгляд, взаимное отражение субъектности коммуникантов происходит и в общении, и в коммуникации. Но результатом деятельности общения является «отраженная индивидуальная субъектность», в коммуникативной же деятельности (в том понимании, которое представлено в работах В. А. Петровского) происходит взаимное отражение сначала индивидуальной, а затем – социальной субъектности коммуникантов. Таким образом, быть личностью – значит быть субъектом общения / коммуникации, что невозможно без той или иной степени идеальной репрезентированности (отраженности, представленности) человека в человеке.

Наконец, согласно В. А. Петровскому, «быть личностью – означает быть субъектом самосознания», т. е. открывать собственное Я в процессе возрастного развития [там же].

Таким образом, становление личности, как и образование/становление языка, происходит в деятельности: предметной, когнитивной и коммуникативной для личности – речевой¹, когнитивной и коммуникативной для языка. Быть личностью означает быть субъектом предметной деятельности, субъектом общения и коммуникации, субъектом самосознания, т.е. быть активным субъектом.

Итак, конституирующей характеристикой личности человека в принятой нами трактовке этого понятия В. А. Петровским является ее субъектность. Данная характеристика выделяется при определении и описании личности человека и другими исследователями. (См., например, «Личность есть такая единственность и неповторимость, которая является не только носителем сознания, мышления, чувствования и так далее, но и вообще субъектом, который сам же себя соотносит с собою и сам же себя соотносит с окружающим... Субъект существует реально, то есть является в то же время и объектом, Личность есть тождество субъекта и объекта, или иными словами, есть носитель субъекта и объекта» [10]; «при субъектном подходе признание социальной детерминированности индивида отнюдь не означает поглощения его социальностью. Индивид рассматривается как «субъект особого рода, специфика которого состоит в реализации своей общественной сущности» [11, с. 33]. Свойство субъектности характеризует не только общественного индивида, но и личность» [11, с. 131].) Становление личности происходит в деятельности: предметной, самосознания, коммуникативной. Становление личности осуществляется в три этапа: на первом личность персонифицируется в предсубъекте (индивиде), на втором – в социальном субъекте, на третьем – в индивидуальном субъекте (индивидууме). Каждой из персонификаций личности может быть приписано три типа атрибуции: интраиндивидуальная, интериндивидуальная, метаиндивидуальная.

Нельзя не отметить общности объектов лингвистики и персонологии. И язык, и личность являются базовыми атрибутами человека. Язык как объект лингвистики характеризуется рядом особенностей. Он существует в форме языковой способности, коллективного языка и индивидуального языка, реализуется в речи, которая, в свою очередь, осуществляется в составе деятельности. Весь целиком язык в форме речи не дан (т.е. дан всегда частично, всегда не полностью), но задан. В связи с чем в процессе онтогенеза человек решает задачу овладения языком как виртуальным феноменом, определяющим общую речевую практику, и реальным феноменом, т.е. в форме речи, производимой или воспринимаемой, устной или письменной. Овладение языком как виртуальным феноменом происходит в самом начале жизни благодаря активизации языковой способности человека вследствие естественного пребывания его в языковой среде и включенности в процессы речевой деятельности и коммуникации. Овладение речью на данном языке становится возможным благодаря формированию способности воспринимать и производить речевые произведения в устной и письменной формах и может быть представлено в виде речевой биографии человека.

¹ Речевая деятельность – речь (процессы говорения и понимания) в составе предметной деятельности.

Как и язык, который существует одновременно в трех формах, личность так же едина в трех лицах – предсубъекта, социального субъекта и индивидуального субъекта. Точно так же, как и язык, личность не дана, но задана: перед человеком стоит такая задача – стать личностью. И, наконец, становление личности, как и образование/становление языка, происходит в деятельности: предметной, когнитивной и коммуникативной для личности – речевой (речевая деятельность – речь (процессы говорения и понимания) в составе предметной деятельности), когнитивной и коммуникативной для языка. Быть личностью означает быть субъектом предметной деятельности, субъектом общения и коммуникации, субъектом самосознания, т.е. быть активным субъектом. Бытие языковой личности, согласно модели Ю. Н. Караулова, определяют речевая, когнитивная и коммуникативная деятельности. Это значит, что языковая личность может рассматриваться как личность, конституирующей характеристикой которой является субъектность.

В результате иницируемой языковым окружением активизации врожденной языковой способности человек начинает овладевать коллективным языком (языком своего языкового окружения), а, овладев, на его основе создает собственный вариант «общего» языка. В связи с чем могут быть выделены три этапа персонализации языковой личности. На первом из них языковую личность представляет индивид (предсубъект), являющийся носителем языковой способности определенного качества. На втором – социальный субъект, носитель и пользователь коллективного языка. На третьем – это индивидуальный субъект (индивидуум) как создатель индивидуального языка (индивидуального варианта «общего» языка). Языковой личностью человек становится только при условии речевой активности в сферах предметной деятельности, деятельности самосознания и коммуникативной деятельности. Языковая личность человека раскрывается в единстве трех ее атрибуций: «интраиндивидуальной», «интериндивидуальной» и «метаиндивидуальной». В первой своей атрибуции языковая личность владеет соответствующим, или, иначе, определяемым (предопределяемым) качеством ее языковой способности способом самоосуществления, что делает ее – языковую личность – субъектом конкретной речевой, когнитивной и коммуникативной деятельности. Во второй своей атрибуции языковая личность определяет (устанавливает пределы, очерчивает) сферы самоосуществления, в рамках которых, или по отношению к которым она утверждает себя в общем пространстве межиндивидуальных связей в качестве субъекта речевой, когнитивной и коммуникативной активности наряду с другими субъектами. Наконец, третья атрибуция языковой личности определяет тот вклад, который индивидуальный субъект (индивидуум) вносит в языковой быт и бытие всех членов языкового коллектива.

На основании вышеизложенного мы можем дать следующее определение языковой личности, являющейся объектом лингвоперсонологии: под языковой личностью мы, вслед за Ю. Н. Карауловым, понимаем «совокупность способностей и характеристик человека» как субъекта речевой, когнитивной и коммуникативной деятельностей, «обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов) ...».

В созданной Ю. Н. Карауловым модели языковой личности ее структура «представляется состоящей из трех уровней: 1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей» [12, с. 5]. Последний уровень в структуре – прагматический – «включает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих ее развитием, поведением, управляющих ее текстопроизводством и в конечном итоге определяющих иерархию смыслов и ценностей в ее языковой модели мира» [13, с. 37]. Трехуровневое представление модели языковой личности, по словам ее автора, «поддерживается довольно

широко распространенными идеями о трехуровневости процессов восприятия и понимания, которые оказываются тем самым конгруэнтными самому устройству языковой личности» [там же, с. 51]. Полагаем, что модель языковой личности Ю. Н. Караулова может быть «поддержана» и развиваемой нами идеей, согласно которой языковую личность следует рассматривать как субъекта речевой деятельности (включенной в деятельность предметную), языкового самосознания и речевой коммуникации. Субъект речевой деятельности выступает реализующей инстанцией в «организме» языковой личности и очевидно должен рассматриваться на первом (нулевом) – вербально-семантическом – уровне. Субъект языкового самосознания, соответственно, может рассматриваться как формирующая инстанция, в ведении которой сбор, систематизация и оперирование личностно значимыми знаниями о мире (личностными смыслами). Наконец, субъект речевой коммуникации является побуждающим началом, мотивирующим «коммуникативно-деятельностные» потребности языковой личности.

Установление связи между уровнями, по мнению Ю.Н. Караулова, требует обращения к экстралингвистической информации, «поставляемой социальной составляющей языка и связанной с «историей» языковой социализации личности» [там же, с. 45]. Данная информация может быть дифференцирована путем введения в модель языковой личности этапов персонификации и типов личностной атрибуции.

Возможность соотнесения трех характеристик личности человека в персонологической концепции В. А. Петровского, на которую мы опираемся при описании языковой личности, с тремя уровнями модели языковой личности в теории Ю. Н. Караулова имеет для нас принципиальное значение. Прежде всего потому, что предлагаемое нами трехсубъектное представление языковой личности подтверждает мысль о том, что «языковая личность не является таким же частно-аспектным коррелятом личности вообще, какими являются, например, правовая, экономическая или этническая личность» [13, с. 38].

Введение в модель языковой личности Ю. Н. Караулова характеристик человека как личности, этапов личностной персонификации и типов личностной атрибуции определяет предметную область лингвистической персонологии. Попытаемся ее очертить.

Ю. Н. Караулов называет первый уровень языковой личности в своей модели «нулевым» и «в известном смысле бессодержательным», так как полагает, что на этом уровне индивидуальность ее не проявляется. «В крайнем случае, – отмечает автор теории языковой личности, – на этом уровне можно констатировать нестандартность, неповторимость вербальных ассоциаций, которые сами по себе еще не дают сведений о языковой личности, о более сложных уровнях ее организации» [13, с. 36]. В описании этого уровня для нас важно также и то, что Ю. Н. Караулов определяет его как структурно-языковой, отражающий степень владения обыденным языком [там же, с. 37]. Итак, источником сведений о языковой личности на данном уровне являются вербальные ассоциации. Именно они дают представление о «закономерности «присвоения» языка и владения им личности» [там же, с. 49]. Обратимся к первой из этих двух закономерностей.

В 2004 г. Н. Д. Голев выдвинул гипотезу, согласно которой «принципы устройства ментально-психологического персонологического пространства, сформированного в данном языковом коллективе, и принципы системного устройства самого языка коррелятивны между собой, и поэтому есть основания говорить об их относительном изоморфизме» [14, с. 41]. Полагаем, что структурную организацию любого человеческого языка определяет, прежде всего, совокупность разнокачественных языковых способностей человеческого коллектива. Именно языковая способность носителя языка является организующим началом языка, его «меркой» и «масштабом». Будучи носителем «языковой способности определенного качества, данного ей изначально и далее развиваемого в соответствии с заложенным в ней потенциалом» [15, с. 10], языковая личность овладевает языком, руководствуясь «чувством языка» и «языковым чутьем». Языковое чувство как способность к «предчувствию всей системы языка»

(В. фон Гумбольдт) активизирует в психике человека «ощущение формы», скрытое в языке, и кладет начало формированию нулевого уровня в структуре языковой личности общезыкового (например, общерусского) типа. Языковое чутье как способность к осмыслению и интерпретации «ощущения формы», скрытого в языке, актуализирует и закрепляет в психике человека определенную «формальную ориентацию» (Э. Сепир) его индивидуального языка как варианта общего языка. Именно эта определенная «формальная ориентация» индивидуального языка определяет и определяется качеством языковой способности индивида. В свою очередь, качество языковой способности обнаруживает себя (проявляется) в направленности речевой деятельности субъекта на определенный структурно-языковой тип вербальных ассоциаций: семасиологический или ономасиологический, парадигматический или синтагматический, диктумный или модусный.

Вторая закономерность имеет отношение к владению языковой личностью обыденным языком. Заключается она в следующем. Одной из первых работ, посвященных описанию языковой личности в аспекте владения языком является исследование Г. И. Богина. В нем под языковой личностью понимается человек, который рассматривается с точки зрения его готовности к использованию языка в своей деятельности – готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи [16, с. 3]. Суть владения человека языком заключается в том, что «в каждый момент своего развития индивид «уже что-то может» в области речевых поступков и в то же время «еще чего-то не может» [там же, с. 21], т. е. всегда демонстрирует относительно полное владение языком. Поскольку «речевая готовность может быть большей или меньшей, лучшей или худшей» [там же, с. 81 – 82], владение языком может быть описано в терминах объема и степени и представлено в виде двух векторов: интенсивности и экстенсивности, каждый из которых позволяет определять его – владения языком – качественно-количественные характеристики. Качественные характеристики связаны со степенью владения функциональной парадигмой языка. Количественные – с этно-социо-культурной адаптацией человека и могут быть представлены набором разного рода функциональных разновидностей языка, которыми человек овладевает в процессе социализации. Использование языка в качестве маркера той или иной сферы этно-социо-культурной активности, этнической, социальной, культурной страты или ситуации обуславливает его функциональную, стратификационную и ситуативную вариативность, в отношении которой субъект речевой деятельности может быть как активным, так и пассивным. Речь стратификационно активной языковой личности обнаруживает ее принадлежность к той или иной группе носителей языка: возрастной, гендерной, профессиональной, социальной, территориальной, классовой, сословной, этнической, национальной и другим. В этом случае мы говорим, например, о гендерной языковой личности и выделяем ее феминный и маскулинный варианты как совокупности ассоциативно связанных единиц языка. В случае же, когда речь явно не обнаруживает групповой принадлежности носителя языка, очевидно, мы имеем дело со стратификационно пассивной языковой личностью. Функционально активный субъект речевой деятельности, по-видимому, должен обнаруживать в своей речи владение всеми функциональными стилями коллективного языка, поэтому его можно также определять как полнофункциональный тип языковой личности и противопоставлять неполнофункциональному или частично функциональному, каковые являются следствием большей или меньшей функциональной пассивности субъектов речевой деятельности. Единицами ситуативного измерения коллективного языка являются языковые ситуации с их этно-социо-культурными ресурсами, в отношении которых субъект речевой деятельности также может быть активным и пассивным. Активность субъекта речевой деятельности в его интериндивидуальной атрибуции направлена на производство и воспроизводство совокупности вербальных ассоциаций, служащих цели этно-социо-культурной идентификации в той сфере самоосуществления, в рамках которой, или по отношению к которой он утверждает себя наряду с другими субъектами.

Схема языковой личности Г. И. Богина не позволяет учитывать «нестандартность, неповторимость вербальных ассоциаций» [13, с. 36], которые может демонстрировать языковая личность в речевой деятельности на «нулевом» уровне и которые могут становиться знаком ее индивидуальности в качестве атрибутов индивидуального стиля, который, в свою очередь, является внешним проявлением сложившейся системы индивидуального языка. В связи с чем полагаем, что третьей характеристикой владения языковой личности обыденным языком должна стать «ценность».

Данный термин является многозначным, и сфера его употребления достаточно обширна. Благодаря Ф. де Соссюру в начале XX в. этот термин был введен и в лингвистику. В настоящее время, как отмечает Л. А. Микешина, термин «ценность употребляется как параметр целеполагающей системы, в том числе биологической, вообще любой, осуществляющей процедуры оценки и выбора [17, с. 183]. Нами он вводится для описания закономерности владения языком, чтобы иметь возможность определять значимость личностных «вкладов» в систему, функционирование и развитие общего языка. В этом смысле речевая деятельность субъекта должна рассматриваться как «ценностно нагруженная активность» [там же, с. 186], соответственно, имеющая либо положительное, либо отрицательное, либо нулевое значение. И таковой она становится у индивидуального субъекта (индивидуума), создающего свой вариант коллективного языка. «Нестандартность, неповторимость вербальных ассоциаций» как следствие актуализации и, напротив, стандартность как следствие тенденции к автоматизации речевой деятельности позволяют выделять «стандартную языковую личность, отражающую усредненную литературно обработанную норму языка», и «нестандартную языковую личность, которая отклоняется от установленных языковых образцов» [18, с. 113].

В. П. Нерознак считает, что нестандартная языковая личность может принадлежать к разным «этажам речевой культуры – верхнему и нижнему» [там же, с. 114]. «К «верхам» языковой культуры», по мнению исследователя, могут быть отнесены мастера художественного слова, те, кто создает «тексты культуры» [там же]. По-видимому, эти языковые личности оказывают формирующее воздействие на язык², поскольку В. П. Нерознак подразделяет их на «архаистов» и «новаторов» и на «умеренных» и «экспериментаторов» [там же]. К «низам» речевой культуры исследователь относит «носителей, производителей и пользователей маргинальной языковой стра-ты» [там же, с. 115]. Полагаем, что речевая деятельность данного типа языковой личности носит деформирующий характер, что выражается в примитивизации и оскудении языка.

Активность субъекта речевой деятельности в его метаиндивидуальной атрибуции направлена на производство и воспроизводство совокупности вербальных ассоциаций, которые для самого субъекта служат образом автора, а для других членов языкового коллектива – образцом организации речевой структуры.

Итак, владение языком может быть описано в терминах объема, степени и ценности и представлено в виде трех векторов: интенсивности, экстенсивности и остенсивности каждый из которых позволяет определять качественно-количественные и ценностные характеристики владения языком.

Таков далеко не полный и предварительный очерк предметной области лингвистической персонологии в том ее варианте, который создается нами с опорой на теорию языковой личности и теорию персонализации.

Список литературы

1. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.
2. Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований [Вступ. ст.] // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. – С. 9 – 16.

² Именно этим обстоятельством, очевидно, и объясняется возникновение у В. В. Виноградова идеи об истории литературного языка как истории индивидуальных стилей.

3. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // *Язык и личность*. М.: Наука, 1989. – С. 3 – 8.
- Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения / Печатается по вступительной статье в сб. *Язык и личность*. М., 1989. – С. 3 – 8. // http://destruction.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm
4. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание человека. М., Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. – 528 с.
5. Петровский А. В. Феномен субъектности в психологии личности // http://www.psycheya.ru/lib/avfpetr_g1.html
6. Хрустов Г.Ф. Личностная цивилизация // *Развитие личности*. – 2002. – № 2. – С. 32 – 55.
7. Мухина В. С. Эволюция личности сквозь призму механизмов развития и бытия (*продолжение*) // *Развитие личности*. – 2007. – № 3. – С. 15–48.
8. Петровский В. А. К пониманию личности в психологии // *Вопросы психологии*. – 1981. – № 2. – С. 40 – 46.
9. Петровский В. А. Феномен субъектности в психологии личности // http://www.psycheya.ru/lib/avfpetr_g1.html
10. Лосев А. Дерзание духа // http://odinvopros.ru/lib/los_02.php?mode=0&id=2814
11. Чудновский В. Э. Проблемы личности в свете марксистско-ленинских идей // *Вопросы психологии*. – 1981. – № 2. – С. 130 – 136.
12. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // *Язык и личность*. М.: Наука, 1989. – С. 3 – 8.
13. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
14. Голев Н. Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка // *Известия Алтайского государственного университета*. Серия «История, филология, философия и педагогика». 2004. – № 4. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – С. 41 – 6.
15. Голев Н. Д. Языковая личность как носитель языковой способности // *Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография*. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – 435 с.
16. Богин Г. И. Уровни и компоненты речевой способности человека. Учебное пособие. Калинин, изд-во Калининского гос. ун-та, 1975. – 107 с.
17. Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. пособие / Л. А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция : МПСИ : Флинта, 2005. – 464 с.
18. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // *Язык. Поэтика*. Перевод: сб. науч. тр. Моск. линг. ун-та. – М., МГЛУ, 1996. – № 426. – С. 112 – 116.

DEFINITION OF OBJECT AND SUBJECT DOMAIN OF LINGUAPERSONOLOGY

N. G. Voronova

*Altaj State Pedagogical
Academy, Barnaul*

e-mail: ngvoronova@mail.ru

The article is devoted to the definition of object and subject domain of linguapersonology.

Keywords: linguapersonology, linguistic personality, language ability.